

Артавазд Егиазарян

Портрет одного пейзажа

Ереван · 2013, №3 (март) · Оригинал

Рудольфу Хачатряну не исполнилось и двадцати, когда великий Ерванд Кочар сказал ему: «Даже если ты умрешь сейчас, все равно останешься в истории армянского искусства». Хачатрян прожил 70 лет и стал одним из выдающихся армянских живописцев XX века. Впрочем, в творческом плане он не раз перерождался, открывая новые грани своего таланта и пробуя новые пути самовыражения, не замечая при этом никаких рамок и границ.

Трудный ребенок

Детство Рудольфа Хачатряна пришлось на военные и послевоенные годы. Семья жила в полуподвальной квартире, куда едва проникал свет: приходилось зашторивать окна, чтобы прохожие не заглядывали. Там он и начал рисовать. Да так, что для родителей Рудольфа, не имеющих к искусству ни малейшего отношения, стало очевидно: нужно отдать его в художественную школу. Приняли его туда без малейших сомнений — талант юноши был неоспорим. Правда, выгнали тоже недолго думая, всего через три месяца — Рудольф не терпел никаких рамок, а здесь его заставляли заниматься рисованием по общепринятой программе. А вот родители после исключения его из школы решили, что он — трудный ребенок без каких-либо способностей и будущего. Выход они видели один — отдать в ученики к дяде Николу, портному и закройщику. Согласиться с этим Рудольф не мог, даже когда отец заявил, что теперь непокорный сын сам должен зарабатывать себе на хлеб. Он предпочел наняться рабочим и таскать туфовые блоки. А после работы рисовал, засыпая всего на четыре-пять часов, чтобы рано утром вновь пойти на стройку.

Большой человек

Архитектор Левон Игитян познакомился с Рудольфом, когда они были еще детьми. Был обычный жаркий летний ереванский день. Левон с друзьями играл в бассейне рядом с кафе «Поплавок». «Вдруг все ребята замолчали и уставились в сторону, откуда к нам направлялся худой парень в довольно нелепых синих сатиновых трусах до колен, — вспоминает Игитян. — Все разом захохотали. А он ни на кого не обратил внимания, спокойно подошел ко мне и сказал: «Я большой человек, что вы тут гогочете!». Потом выяснилось, что он говорит не о возрасте, а о том, что будет великим. И снова раздался хохот. Мы с Рудиком с того дня начали дружить, а впоследствии он действительно стал великим».

Дух Леонардо жив

Одно из важнейших событий в жизни Хачатряна случилось, когда ему было 15. Как-то днем он стоял в сквере у ереванской оперы и рисовал прохожих. Он не любил, когда наблюдали за тем, как он работает. Вот и мужчине, остановившемуся рядом, не обрадовался. Но прежде, чем Рудольф успел что-то сказать, тот произнес: «Мой мальчик, сегодня же вечером принеси мне свои работы. Моя мастерская вон за тем садиком». И ушел. Вечером Рудольф пошел по указанному адресу. Хозяин дома — художник Ерванд Кочар, — перебрав работы, воскликнул: «Дух Леонардо жив!» Рудольф удивился, ведь о великом итальянце он тогда ничего не знал. Он обожал Репина и думал, что рисует, как тот. Но Кочар был другого мнения. Он достал из шкафа большой альбом Леонардо, открыл страницу с драпировками

и показал юноше. «Я сам обалдел от сходства!» — вспоминал позже Хачатрян. С тех пор живой классик армянской живописи и подросток-недоучка стали друзьями. Кочар считал большой удачей то, что Рудольфа выгнали из училища: «По-моему, им больше нечему тебя учить». И сам стал наставником Хачатряна. К восемнадцати годам Рудольф начал представлять свои работы на республиканских выставках.

«Для меня настоящий художник тот, кто соединяет в себе весь мир, — говорил Хачатрян. — Я воспринимаю свои работы как труд всего человечества, так же как и русскую иконопись или японскую живопись воспринимаю как свою. Поэтому я чувствую себя армянином и китайцем, русским, чернокожим, Ван Гогом и Пикассо. Я Адам, воплощающий в себе все человечество».

Место действия любви

Даже в самые ранние годы Хачатрян не рисовал по-детски, у него не было ни ярких красок, ни сказочных сюжетов. Он сразу взялся за дело серьезно. «Мышление у меня было не литературное, не иллюстративное, а портретное, — вспоминал он позже. — Я не просто рисовал пейзаж, а создавал портрет этого пейзажа». И, конечно, вовсе не случайно Хачатрян оставил множество автопортретов, через собственное отражение в зеркале открывая для себя секреты портретного искусства. При этом своих героев (в том числе и себя самого) художник часто изображал одетыми в старинные костюмы, в великолепные одежды, которые придают образам художественность и вызывают у зрителя разнообразные исторические или литературные ассоциации. Говорят, кстати, что сам Хачатрян, в отличие от неряшливых богемных художников его поколения, всегда держался как классический художник-аристократ. Вплоть до того, что не надевал зимних ботинок, если те не соответствовали этому образу... Трижды Рудольфу позировал его давний друг, поэт Размик Давоян. Быть моделью Хачатряна было нелегко: «Иногда приходилось позировать не двигаясь до десяти часов кряду! — с улыбкой вспоминает Давоян. — Особенно когда Рудольф работал карандашом и обязательно тщательно прорисовывал все мельчайшие детали. Потому что был перфекционистом». Впрочем, не всегда моделям приходилось так трудно. Однажды в московской мастерской Хачатряна Левон Игитян стал свидетелем того, как к нему пришла некая иностранная семейная пара (художнику специально позвонили из МХАТа и очень попросили их принять): муж хотел заказать портрет жены. Хачатрян посмотрел на нее, усадил на стул поближе к окну, чтобы было достаточно светло, и шепнул Игитяну по-армянски: «20—25 минут займет, не больше». После получаса работы он сказал заказчику, чтобы приходили вечером за картиной. «Я подошел, посмотрел на то, что он успел за это время сделать, и не поверил глазам, — вспоминает архитектор. — Он не нарисовал, а так, слегка наметил рот и глаза. И все!» В ответ на удивление друга Рудольф спокойно объяснил: «Этого хватит, ведь я ее хорошо разглядел». Само собой, вечером заказчики были в полном восторге.

Очень образно о работах Хачатряна сказал в свое время писатель Фазиль Искандер: «Почему он в своих натюрмортах так тщательно выписывает каждую вещь: гранат — так гранат со всеми шероховатостями своей поверхности, кувшин — так кувшин со всеми вмятинами, тряпочка тоже красуется каждой ворсинкой своей бахромы, и веник выражает готовность приступить к своим обязанностям. В картине нет центра, нет периферии. Или все центр и все периферия? Да! Он так считает. Он считает, что художество — это любовь. Все, на что упал любящий взгляд художника, превращается в драгоценность. Тщательно

прорисованная ворсинка тряпочки превращается в место действия любви и поэтому приобретает важность».

Поэт линии

В 1961-м, когда Хачатряну было всего 24 года, Государственная картинная галерея Армении приобрела у него серию портретов деятелей культуры Армении. Через год его работы стали активно скупать коллекционеры: Хачатрян стал одним из самых перспективных молодых художников во всей стране. Стало очевидно, что из «подражателя» Леонардо он вырос в самостоятельного художника с собственным почерком, главной особенностью которого была работа с линиями. Его называли поэтом линии. Историк искусства Савва Ямщиков писал: «Простая четкая линия в рисунках Хачатряна превращается в универсальное средство, с помощью которого он способен выразить богатство окружающего мира, тончайшие оттенки человеческих чувств».

Нечто чудесное

Мастерство Рудольфа достигло зрелости и совершенства, обрело широкое признание в 1970-е, после того как в 1971 году он переехал в Москву, навсегда связав свою жизнь с художницей и своей новой музой Натальей Шнайдер. В конце 1970-х он начинает использовать большие графические листы, помимо карандаша, среди его материалов и инструментов появляются светло-коричневые жидкие чернила, красноватый меловой карандаш, перо и кисть. Основой для картин служит не только бумага, но и белый или цветной картон. В 1980 году Хачатрян идет еще дальше — начинается один из самых интересных периодов его творчества — «рисунок на левкасе». Подобно обожаемому им иконописцам, перед тем как рисовать, он наносил на доску этот грунт. Эффект был поразительный. Поэт Арсений Тарковский, после встречи с Рудольфом в его московской мастерской писал: «Белоснежный левкас светится изнутри, свет мерцает, переливается между штрихами, играет чудесную роль — как бы уводит зрителя в пещеру, где Аладдин из «Тысячи и одной ночи» обрел многоцветные богатства. Каждый, кто видел работы Рудольфа Хачатряна, остро ощущал этот великолепный эффект... И все-таки не до конца понимаешь, какими же еще средствами этот эффект достигается. Здесь таится нечто чудесное».

Свой Ереван

Хачатрян был очень «ереванским» человеком. Но по сути свой Ереван он создавал сам, где бы ни находился, будь то огромная Москва или вообще чуждый Лондон. Когда старые друзья периодически задавали ему риторический вопрос «почему уехал из Еревана?», он отвечал, что его город живет у него внутри, поэтому ему и удается так рисовать: не будет Еревана, не будет и картин. А что такое «свой Ереван», если не круг друзей? С этим у художника никогда не было проблем. Однажды Хачатрян помог нескольким ереванским друзьям попасть в Москве на какой-то важный спектакль, когда уже невозможно было достать билеты. Друзья ждали у входа, когда он приехал и спокойно провел их внутрь. Казалось, абсолютно все в театре были его близкими друзьями — от контролера до артистов... Среди безбилетников был и Левон Игитян. После спектакля Хачатрян захотел пригласить его куда-нибудь посидеть, поболтать. Но было поздно, друг, у которого остановился Игитян, жил далеко. Тогда Рудольф решил помочь с машиной и принялся кого-то звать: «Женя, Женя!» Остановилась машина, из нее вышел народный артист СССР

Евгений Евстигнеев, который был только рад услужить «дорогому Рудиду»...

Хачатрян был не только выдающимся художником, но и великолепным другом и семьянином. Переехав в Москву и начав новую жизнь, он, тем не менее, сохранил прекрасные отношения с первой женой Джеммой и двумя дочерьми, до того, что Джемма и Наталья Шнайдер стали хорошими подругами. Он появлялся в самый нужный момент, не ждал, чтобы к нему обращались за помощью. Поддерживал он, конечно, только тех, кого любил, правда, их было очень много. Еще его помнят как очень смелого человека, который не боялся ничего. Мог, например, ввязаться в драку с титулованным художником мощного телосложения, только чтобы заступиться за друга, которого оскорбили за его спиной. Удар, говорят, у него был сильный, как у профессионального боксера.

Подарок за подарок

Как-то в начале 1970-х, когда в Ереване был дефицит с художественными принадлежностями и карандашами в частности, в руки Левону Игитяну попала целая коробка с превосходными немецкими карандашами, которых тогда даже у Кочара не было, не то что у молодых художников. «Я сразу же подумал, что надо их отдать Рудольфу, — вспоминает архитектор, — и побежал в наш «университет» — кафе у Союза художников. Рудика не было, сел с Минасом Аветисяном и Леоном Нерсисяном подождать, пока он придет. Когда я им показал коробку с «сокровищами», они в один голос воскликнули: «Не давай никому, кроме Рудольфа!» Вскоре пришел и Хачатрян. Увидев драгоценный подарок, он сначала покраснел, а потом достал откуда-то бумажку и стал делать наброски, после чего убежал в мастерскую рисовать. Через много лет он подарил Игитяну великолепный комплект чертежных приборов, не менее дефицитных, чем тогда карандаши. Причем искал долго: нашел знакомых в Московском архитектурном институте, там ему подсказали, как выйти на спекулянта, у которого есть нужные инструменты. Он просто не мог остаться в долгу и даже столько лет спустя не ответить подарком на подарок...

В движении

Однажды двухмерной, «обычной» живописи ему стало недостаточно. В 1990-х Хачатрян решил развить принцип «пространственной живописи» своего учителя Ерванда Кочара, который еще в 1930-х первым в мире придал живописи многомерность. Хачатрян стал выполнять пространственные композиции — «многомерные объекты», состоящие из соединенных под прямым углом фанерных листов или медных пластин, движущиеся и вращающиеся вокруг различных осей. Сам Кочар когда-то давно предсказывал, что однажды Рудольф придет к пространственной живописи, но по-своему, не копируя учителя. «И расскажешь тогда миру о том, что я был первым», — добавил тогда мастер. «Это космическое искусство, поэтому оно безгранично, как космос», — говорил об этих объектах Хачатрян. Многомерны они не только потому, что в них объединились скульптура, живопись и рисунок: «В отличие от висящей на стене неподвижной и всегда одинаковой картины, эти фигуры находятся в движении. И каждое изменение положения меняет само произведение». Хачатрян был уверен, что двухмерная живопись умерла и именно за этой формой искусства — будущее. Этому он посвятил все оставшиеся годы. Он ушел из жизни в 2007 году в возрасте 70 лет...

Родился как человек

Хачатрян рассказывал, что стал другим, когда однажды в детстве увидел Бога. Иначе он никак не мог назвать тот свет, что засиял ему как-то ночью. Это было похоже на сон наяву — нечто светлое, прекрасное, доброе. Но это было так неожиданно, что пришлось спрятаться с головой под одеяло. Видение повторилось трижды. Рудольф, по его словам, закричал, как рождающееся дитя. Уснуть он смог только после того, как его успокоила мать. Годы спустя он скажет: «Мы кричим, когда рождаемся первый раз из лона матери. Во второй раз я кричал, потому что родился как человек».

В единственном стихотворении, написанном Хачатряном, всего в нескольких строчках отразилась вся глубина его отношения к Богу и к искусству:

*Когда я был маленький,
Бог пришел ко мне
своим образом и своим светом.
И Он из своего света дал мне,
чтобы мне из этого света
дать свое искусство и тоже уйти».*

Текст Артавазд Егиазарян | Фото из книги «Рудольф Хачатрян. Рисунок», Москва, «Изобразительное искусство», 1986 г.

Рудольф Хачатрян. Персональные выставки

1976 — Музей западного искусства, Одесса / 1978 — Союз художников СССР, Москва / 1979 — Союз художников, Ленинград / 1980 — Союз художников, Ереван / 1983 — Музей современного искусства, Ереван / 1984 — Государственный музей искусств народов Востока, Москва / 1985 — Heritage Gallery, Лос-Анджелес, Детройт, США / 1988 — Дом художника, Ереван / 1990 — Резиденция архиепископа Кентерберийского, Лондон / 1993 — Центральный Дом художника, Москва / 1997 — Национальная галерея Армении, Ереван. Государственная Третьяковская галерея, Москва / 2002 — Российская Академия художеств, Москва / 2004 — Галерея «Новый Эрмитаж», Москва. Московский музей современного искусства

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Portrait of a Landscape

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0255?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Портрет одного пейзажа

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0255?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.